

— С Юань Пэйай все в порядке, — сказал Бо Цзянь.

— Знаю.

Бо Цзянь ненадолго замолк, слегка опустил голову и произнес:

— Так что на этом история закончена, Цзян Хуай.

Цзян Хуай поднял голову и, прищурившись, взглянул на Бо Цзяня. Из него словно сквозь зубы вырвалось:

— Я знаю.

У Бо Цзяня было много чего сказать — например: «Впредь не занимайся подобным самоуправным геройством». Но он лишь некоторое время смотрел на Цзян Хуая, а затем слегка потянул того за косичку:

— Тогда пошли.

Цзян Хуай звонко хлопнул его по тыльной стороне ладони и холодно отрезал:

— Не трогай мои волосы.

— Оу.

Цзян Хуай пошел вперед, опустив голову. На земле лежало много опавших листьев, которые еще не успели подмести. Он нарочно наступал только на самые сухие и хрустящие, отчего всю дорогу раздавался громкий хруст.

Бо Цзянь тоже наступил на хрустящий лист:

— У тебя и раньше были длинные волосы?

— Угу.

— И когда ты начал их отращивать?

— В начальной школе.

Бо Цзянь снова спросил:

— А зачем?

Цзян Хуай ответил:

— Раньше хотел заплетать косички сестре. Отрастил, чтобы тренироваться на себе.

Бо Цзянь помолчал пару секунд и заметил:

— Но насколько я помню, у твоей сестры короткая стрижка.

Цзян Хуай без малейшего выражения на лице раздавил целую кучу сухих листьев:

— Я отрастил, а она подстриглась. У нее со вкусом беда.

— Вы с сестрой не особо похожи. Ей идет короткая стрижка, — сказал Бо Цзянь.

Цзян Хуай лишь бросил на него неопределенный взгляд и ничего не ответил.

Дойдя до перекрестка, Цзян Хуай вздернул подбородок:

— Вызвать тебе такси?

Бо Цзянь некоторое время смотрел на Цзян Хуая, а затем тихо спросил:

— А мне можно пойти к тебе в гости?

Цзян Хуай опешил:

— ?

И без колебаний отрезал:

— Исключено.

Бо Цзянь пристально посмотрел на него:

— Но ты ведь у меня дома уже бывал.

Цзян Хуай нахмурился.

— Я тоже хочу к тебе, — тон председателя Бо сейчас до странности напоминал каприз ребенка.

— Все должно быть по-честному.

Морщинка между бровями Цзян Хуая залегла еще глубже. Он крайне резко отказал:

— Дома есть люди. Нельзя.

Бо Цзянь спросил:

— Я что, неприглядно выгляжу? На людях показать стыдно?

Цзян Хуай:

— ...

— А у меня дома никого нет, — Бо Цзянь слегонца потянул Цзян Хуая за рукав. — Неужели я не могу просто посидеть у тебя немного?

Цзян Хуай выдернул рукав и ничуть не деликатничая высказал:

— Чушь собачья. У тебя дома полным-полно садовников и прислуги.

Бо Цзянь помолчал пару секунд, а затем тихо произнес:

— Но я не целовался ни с садовником, ни с прислугой, Цзян Хуай.

Сердце Цзян Хуая на миг пропустило удар. Он резко повернул голову и уставился на Бо Цзяня.

Председатель Бо выглядел безмятежным, словно сама умиротворенность. Он протянул Цзян

Хуаю открытую ладонь:

— Пошли.

Завершив лепку «брatца Баоцзяня», А-Цай потратила кучу сил и времени, чтобы вылепить еще и Цзян Хуая с его ананасовой прической. Она поставила «брatца Баоцзяня» стоймя, а «ананасоголового Цзян Хуая» закопала в землю.

«Закопаешь осенью одного ананасоголового Цзян Хуая — весной вырастет десяток!»

Когда Цзян Хуай наконец «ушел в землю», А-Цай совсем выбилась из сил. Она даже не стала заказывать доставку еды: охавив «брatца Баоцзяня», посаженного в глиняный горшок ананасового Цзян Хуая и упаковку сосисок, она вместе со всем своим скарбом отправилась к себе в комнату спать.

Цзян Хуай, источая холод, подобно работающему кондиционеру, вышел из лифта:

— У меня дома ничего нет.

— Угу, ничего страшного.

Лицо Цзян Хуая стало еще мрачнее. Он отпер дверь:

— Переобувайся.

Бо Цзянь задержался в прихожей и заглянул внутрь. Вопреки ожиданиям, квартира оказалась очень чистой, повсюду стояли милые бытовые мелочи. Сама квартира была средних размеров, и в ней было очень тепло.

— Твои родители дома?

Цзян Хуай запнулся:

— Нет.

Бо Цзянь расстегнул пуговицы пальто:

— Оу. — Он снял верхнюю одежду. — Можно я повешу пальто здесь?

Цзян Хуай уже пошаркал в тапочках внутрь, даже не обернувшись:

— Без разницы.

А-Цай в гостиной не было — скорее всего, у себя в комнате.

На ковре в гостиной валялось несколько пакетиков с пластилиновой глиной. Цзян Хуай подхватил их и сбросил на стол неподалеку. Сегодня днем он вернулся раньше, чем думал: на часах было едва за четыре.

Цзян Хуай прошел на кухню и открыл холодильник.

Бо Цзянь самовольно присел на диван в гостиной. Цзян Хуай высунул голову из-за дверцы холодильника:

— Что будешь?

— А что есть?

— Апельсиновый сок, молоко, кола... и пиво, — перечислил Цзян Хуай.

— Молоко.

Цзян Хуай достал коробочку молока, загреб себе бутылку воды и цокнул языком:

— Ты тоже любишь молоко?

Председатель Бо чутко уловил слово «тоже». Приняв упаковку молока, он совершенно спокойно спросил:

— А кто еще? Твоя сестра?

Цзян Хуай открутил крышку минералки:

— Не-а, Цзян Синсин сок пьет. Старина Цинь тоже молоко любит.

Рука Бо Цзяня, собиравшаяся воткнуть трубочку, замерла.

Цзян Хуай косился на упаковку:

— Кстати, глянь срок годности... Это молоко купил Цинь Юйхэ, когда приходил ко мне месяца два назад. Не знаю, не скисло ли.

Бо Цзянь:

— ...

Заметив, что рука председателя Бо не двигается, Цзян Хуай решил, что у того опять проявилась барская замашка не пить несвежее. Он усмехнулся:

— Да пошутил я... У обычного молока срок годности полгода, так что все нормально. Стал бы я поить тебя просрочкой?

Бо Цзянь опустил взгляд:

— То есть его действительно купил твой одноклассник из начальной школы?

— Ну да, а что?

— Ничего, просто резко затошнило, — председатель Бо с невозмутимым лицом поставил упаковку обратно. — Я хочу минералку.

Автор хочет сказать: Председатель не в духе.

— Капризный какой.

Цзян Хуай фыркнул, но тем не менее сходил за еще одной бутылкой минеральной воды и бросил ее председателю Бо.

— Спасибо, — Бо Цзянь поймал бутылку и с абсолютным естеством выдал: — Цзян Хуай, я

голоден.

— ... — Цзян Хуай обернулся к нему: — Ты сам доставку заказать не в состоянии?

— Доставка слишком жирная, — сказал председатель Бо. И добавил: — И нездоровая.

Цзян Хуай:

— Тогда пей воду и не гуди.

Бо Цзянь от его грубости словно опечалился — его ресницы дрогнули, а пальцы сжали одинокую пластиковую бутылку:

— Сосед с передней парты, я голоден.

«...» Мать твою, — подумал Цзян Хуай.

Цзян Хуай распахнул дверцу холодильника. На верхней полке оставалось лишь две веточки кинзы. Обычно дома он не готовил: либо заваривал лапшу быстрого приготовления, либо заказывал доставку.

Цзян Хуай повернул голову и без всякого выражения спросил:

— Соленая жареная кинза. Будешь?

Бо Цзянь поднял глаза:

— ?

— Забудь, — Цзян Хуай с грохотом захлопнул холодильник. — Сиди дома и жди меня. Я сбегаю в супермаркет внизу за продуктами.

Бо Цзянь поднялся с дивана:

— Может, я с тобой?

— Не надо, — Цзян Хуай приподнял веки. — Не таскайся за мной.

Супермаркет.

Цзян Хуай обошел отдел свежих продуктов и, нахмурившись, отправил председателю Бо сообщение.

«Что ты будешь есть?»

Би-Джей: «А можно заказать блюда на выбор? ●°v°●»

Настоящий лидер: «Нет».

Би-Джей: «...»

Цзян Хуай обошел овощной отдел. Он здесь сто лет не был, поэтому просто наугад подхватил связку ярко-красных, сочных морковок и бросил в тележку.

Телефон пиликнул.

Би-Джей: «Могу я заглянуть в твою комнату?»

Цзян Хуай свел брови.

Настоящий лидер: «Делай что хочешь».

У него в комнате смотреть было совершенно не на что — ничего особенного. Разве что холодильный шкафчик с кодовым замком.

Би-Джей: «Есть что-то, что нельзя трогать?»

Настоящий лидер: «Нет».

Бо Цзянь вошел в комнату Цзян Хуая. Она была ни большой, ни маленькой, с выходом на балкон. Заходящее солнце скупо светило сквозь стеклянную балконную дверь, окрашивая даже белые простыни в теплый золотистый оттенок. Кровать, письменный стол, шкаф — убранство комнаты было простейшим и лаконичным.

На стуле висела школьная куртка-ветровка.

Бо Цзянь постоял немного, потом взял куртку Цзян Хуая и, наклонившись, понюхал ее.

Феромонов Цзян Хуая от нее не пахло — только едва уловимым его личным запахом.

Это был морозный, обдуваемый ветром аромат приближающейся зимы, с легкой примесью терпкого табачного дыма.

Книг на столе Цзян Хуая стояло с гулькин нос, зато валялось несколько зажигалок и пару начатых пачек сигарет. Школьный рюкзак был сброшен на угол стола, словно мусор.

Лишь в книжном шкафу аккуратно возвышалось несколько стопок книг. На средней полке лежал толстый фотоальбом; обложка его была чистой — судя по всему, его часто листали.

Бо Цзянь достал альбом.

На первой странице оказалась фотография мальчика лет четырех-пяти и молодой женщины.

У мальчика была совсем короткая стрижка, большие глаза и пухлые щечки, однако в камеру он не улыбался, сохраняя весьма грозный вид. Женщина обнимала его и тепло улыбалась в объектив.

Бо Цзянь подумал, что это, вероятно, детское фото Цзян Хуая с матерью.

Он перелистнул страницу.

Дальше шло множество одиночных снимков матери Цзян Хуая. Но это не были постановочные памятные фотографии — скорее, кадры, сделанные тайком и невзначай: где-то женщина готовила еду, где-то занималась рукоделием, а фон на всех снимках расплывался. Мать Цзян Хуая была одета скромно, выглядела немолодой, но, поднимая взгляд, ласково улыбалась тому, кто стоял за камерой.

Самого Цзян Хуая на этих снимках не было. Скорее всего, снимал именно он.

Бо Цзянь медленно листал страницу за страницей.

<http://bllate.org/book/18377/1766590>